
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.422(470)
ББК 60.524.122(2Рос)
М 15

С.В. Макеев,

*доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии АГУ,
тел. 89884740129, e-mail: 82221@mail.ru*

Социальная модернизация России (Рецензирована)

Аннотация. Проводится сравнительный анализ христианской модернизации, модернизации Нового времени и модернизации советского периода. Рассматриваются их идейные и мировоззренческие составляющие, принципиальная разница типов модернизаций по приоритету общественных и индивидуальных ценностей. Рассматриваются принципиальные ограничения в модернизационном развитии цивилизации с приоритетом индивидуальных ценностей.

Ключевые слова: модернизация, христианство, Новое время, общественные ценности, индивидуальные ценности, модели цивилизаций.

S. V. Makeev,

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyge State University, ph. 89884740129, e-mail: 82221@mail.ru

Social modernization of Russia

Abstract. The paper provides a comparative analysis of Christian modernization and modernizations of the New and Soviet times. Their ideological and world outlook components are examined. The authors show the basic difference in types of modernizations by a priority of public and individual values. Basic restrictions in modernization development of a civilization with a priority of individual values are considered.

Keywords: modernization, the Christianity, New time, public values, individual values, models of civilizations.

Говоря о модернизации, нужно сразу определиться с самим понятием модернизации.

В узком смысле понятие модернизации предполагает переход от идей, ценностей и экономической базы патриархального сельскохозяйственного общества к обществу индустриальному с его идеей научно-технического прогресса в качестве инструмента решения социально-экономических проблем на новом витке развития цивилизации.

«Модернизация — это система мер и мероприятий по преодолению экономического и технологического отставания России от некоторых развитых стран Запада (по списку); в связи с

этим критерии и параметры модернизации, равно как и шкала оценки ее успешности могут формироваться только по отношению к странам (группам стран), принятым за образец (модернизационный паттерн) [1].

В широком смысле под модернизацией понимается системное изменение существующей модели организации общества в соответствии с новыми целям и общественного развития и новым пониманием сути человека и его места в обществе.

Так, одним из масштабных примеров модернизации в широком смысле этого слова является переход к христианской модели цивилизации.

Начавшийся кризис античных порядков порождал всеобщую неуверенность в завтрашнем дне. Усилился антагонизм не только между рабами и свободными, но и между римскими гражданами и подданными провинций, между римской потомственной знатью и обогатившимися всадниками (здесь можно заметить некоторые аналогии с современностью). Христианство провозгласило: а) равенство всех людей — как грешников; б) формирование нового человека и нового общества в русле этических концепций «заветов», в) интернационализация христианства. Христианская идея построения нового справедливого общества овладела половиной мира на многие столетия, сформировав крупнейший модернизационный проект доиндустриальной эпохи.

Следующий крупный модернизационный проект был связан с переходом к новому пониманию роли человека как «атома эгоизма» в гоббсовском понимании. Впервые в мире общественное развитие стало восприниматься через приоритетное развитие личных интересов, прав и свобод. Идеи движущие силы этого проекта были подробно рассмотрены в веберовских исследованиях по новой протестантской этике, зарождающейся в недрах свершившейся христианской модернизации.

Здесь наблюдается точка бифуркации от общественной к индивидуальной модели развития. Последняя стала возможна при изменении характера производства, возникшего в Европе в результате «малого ледникового периода», захватившего позднее средневековье и начало Нового времени. Имеется в виду период многовекового похолодания, повлекший преобразование неэффективного сельского хозяйства в более устойчивое животноводство. В этот период появилось выражение «овцы поели людей». На самом деле животноводство вытесняло традиционное сельское хозяйство, создавая сырье для промышленной обработки шерсти и создавая потребность его промышленной переработки. Это был самый первый шаг будущей индустриализации. Человек отделялся от земли, создавая

новые технологические цепи, прямо не связанные с сельским хозяйством. Производство потребовало более сложной общественной организации и больших личных свобод. Стала возможна конституция частной собственности.

Все эти, в общем-то, известные процессы дали возможность запуска в Европе нового модернизационного проекта с индивидуалистическим кодом развития. Нам здесь важно отметить, что именно индивидуальный код развития привел сначала к росту производства, а затем к кризисам перепроизводства.

Люди стали производить товар для других людей. Количество людей на планете ограничено и количество товаров стало превосходить платежеспособный спрос. Развитие западной цивилизации, основанной на индивидуальном коде развития, сегодня пришло в тупик. Большинство научных новаций и изобретений сегодня ориентировано на производство новых товаров и повышение их качества. Фундаментальная наука в индивидуалистической модели модернизации общества востребована лишь в той мере, в какой она может стимулировать науку прикладную либо военные нужды преобразования рынков сбыта. Сам человек стал пониматься как индивид и потребитель на Западе.

Конечно, западный цивилизационный проект в своем развитии дал возможность колоссального технологического скачка, но сам по себе научно-технический прогресс не смог решить фундаментальных проблем общества и, более того, сделал человека средством в рыночной модели общества. Цели же повышения благосостояния всего общества он не ставил и не мог ставить, так как приток прибыли в развитые страны идет за счет эксплуатации неразвитых территорий. Капитал же, вкладываемый в неразвитые территории, инвестируется не в соответствии с нуждами этих стран, а в соответствии с интересами развитых стран. «Разрыв в доходах между пятью богатейшими и пятью беднейшими странами составлял 30:1 в 1960 г., 60:1 в 1990 г., 74:1

в 1997 г. В конце XX в. на 20% мирового населения богатейших стран приходилось 86% мирового валового продукта, а на низшую пятую часть — лишь 1%» [2].

Кроме двух указанных больших в масштабе планеты модернизационных проектов в России осуществлялся социалистический проект. О его масштабах в период активной фазы говорят те преобразования, которые произошли на планете с 20-х по 80-е годы прошлого столетия. В чем состояла советская МИССИЯ? Ассиметричная, разобщающая идея собственности замещалась симметричной. Объединяющей идеей справедливости. Этот модернизационный проект основывался: а) на идее построения справедливого общества для большинства жителей Земли; в) на общественном коде развития (приоритете общественных ценностей над личными); с) на идее формирования нового человека. Не трудно заметить, что подобные идеи лежали в основе христианского миссионерского модернизационного проекта и сегодня воспроизводились на более высокой технологической базе индустриального общества.

Известно, что экономика есть только проекция идей и целей. Идеи есть локомотивы экономики. Построение социалистической системы только подтверждает этот тезис. Нищая, истерзанная в начале века в двух войнах и двух революциях страна за 40 лет стала не только мировой державой, но и духовным лидером половины населения планеты. Именно здесь, впервые с 16 века, реальный уровень различия в доходах 10% богатых и 10% бедных стал беспрецедентно низким. Так, считалась нормальной зарплата в 150 — 300 рублей. Экономика развивалась не за счет колоний, а наоборот, за счет помощи периферии. Из 15 республик, только РФ и Белоруссия не были дотационными, но все вместе обеспечивали устойчивый рост. Социально защищенные образование и медицина давали новое качество жизни для большинства населения. Развивалась национальная культура, сохранялась самобытность в республиках, сохранялись определённые права и самостоятельность и вместе с тем — было единое государство.

Что касается сравнения индивидуалистического западного и общественно-рооссийского кодов развития, то даже на биологическом уровне подтверждается эволюционная успешность альтруистических кодов развития относительно эгоистических. Далее, при замене биологического этапа развития на общественный, необходимым начальным этапом роста любой цивилизационной системы стал религиозный этап как социальный компенсатор эгоистического начала человека. Любая религия вводила приоритет общественных целей и ценностей над личными в качестве основного своего императива и это синтезировало новый вектор устойчивого общественного развития повсеместно в мировой истории. Другие ветви общественной эволюции просто не сохранились и не преодолели начальную фазу становления.

Общественные цели не замыкаются на примитивной продаже друг другу чего-либо, свойственной рыночной экономике и являющейся ее сутью. Общественные ценности ориентируют на создание новых условий и глобальных изменений в интересах гармоничного развития всего человечества и не имеют системных пределов, свойственных цивилизации с приоритетом индивидуального начала. Само понятие индивидуалистического общественного кода внутренне противоречиво.

Видимо, наиболее приемлемым выходом из ситуации была бы реализация идеи построения новой глобальной модернизационной модели, основанной на конверсии двух дополняющих друг друга начал, заложенных в человеке — индивидуально-эгоистического и общественно-альтруистического, при приоритете последнего в области генерации целей. Однако «Эры Разобщенного Мира» (И. Ефремов) дали о себе знать. Союз внедрял свои идеологические модели на Западе (коминтерн), Запад объявил Холодную войну с разбрасыванием стратегических ловушек в экономике и идеологии. Это было столкновение двух проектов, а не их симбиоз.

Надо сказать, что Россия всегда тяготела к общественно-альтруистическому

началу в общественном развитии. Коммунизм, по выражению Бердяева, был национальной моделью. Еще раньше Аристотель сформулировал две альтернативы общественного развития: жизнь для достижения удовольствия или жизнь во избежание страданий. Россия с ее исторически доминировавшим патриархальным общественным укладом попыталась ввести в свой общественный код индустриальную модель развития с сильно развитыми индивидуально-эгоистическими началами.

Возможно, этот процесс глобального противостояния двух мировых систем в период их резкой конфронтации оказал негативное влияние на указанный симбиоз. Кроме того, не хватило готовности элиты к новой мобилизации. Сначала элита захотела комфортной жизни. Элита как технократия управляла не будучи частным собственником. Был мотив перераспределения собственности. Для этого нужно было убрать прежнего собственника — государство. Готовность к мобилизации у народа была и это демонстрирует рейтинг Сталина. Почему Хрущев не популярен с десталинизацией? Горбачев сдал Западу Россию, за что и нелюбим в рейтингах здесь и популярен там.

Западный код развития более болезненно позаимствовал идеи социального общества (Швеция), но в силу системных ограничений своего кода развития и своего цивилизационного ядра нашел им лишь подчиненное место в компенсационных механизмах рыночной «мегамашины».

Довольно удачным можно признать объединение двух начал в модернизационной модели Китая. В экономике Китай впитывал мировые идеи производства товаров, делая их массовыми и дешевыми, при этом в идеологии всегда жестко отстаивались общественные национальные интересы. Это лишнее раз показывает успех моделей развития с приоритетом общественных целей развития (благополучие каждого из благополучия всех), и с другой стороны, индивидуального кода цивилизации (благополучие всех основывается на активности каждого). В этой модели удачно сочетаются

цели развития и двигатели развития, то есть средства развития.

Что же касается России, то в середине 80-х произошла демодернизация и она явилась следствием потери социальных мировоззренческих ориентиров сначала на уровне элит, а затем и всего общества. Вымывание идейного ядра повлекло политическую и экономическую дезорганизацию. Как справедливо заметил Ж.Алферов: «Разделили страну на пятнадцать вроде бы независимых государств — большинство из них можно так назвать лишь потому, что от них ничего не зависит» [3]. «Это было выгодно партийной номенклатуре, которая стала элитой новообразованных государств. Выгодно спекулянтам и торгашам, нажившимся на общем разорении» [4].

Власть на местах быстро превращалась из столпов системы в «борцов» с ней. Психологи давно отметили, что человек, воспитанный на стереотипах, весьма уязвим: попав в поле диссонирующей информации, стереотип имеет тенденцию не разрушаться, а переворачиваться, т. е. он сохраняется, сменив только валентность (эмоциональный знак); безусловно хорошее превращается в безусловно плохое и наоборот. Новоявленным «демократам» националистического и откровенного фашистского пошиба это играло только на руку. Чтобы фактически удержаться у власти, «демократам» была необходима некая мгновенно действующая идеология. А единственной такой идеологией был и остается национализм.

С крахом Союза и сам Союз, и третьи страны пополнили капиталистическую модель, заняв в ней свои места обслуживающих экономик (сырьевые, курортные, сборочные), либо мировой обочины. Мы, отказавшись от роли одного из мировых центров, заняли вторые роли в другом центре. Соревнование моделей прервалось в 80-х. Кризис Запада за счет ресурсов социалистической системы перенесся на настоящее время и идет по сценарию депрессия-война. Этот сценарий уже был реализован после Великой депрессии 30-х годов.

Отдельной проблемой в построении любого общества является качество того материала, из которого строится общество. Если люди здоровы и разумны — это одна стартовая позиция, если наоборот, то другая.

На наш взгляд, здоровье средне-статистического человека является одним из самых успешных инфраструктурных проектов любого государства. Жизнь любого человека делится на три экономические фазы, только средняя из которых продуктивна: 1) подготовка человека, его воспитание, образование, вхождение в производственные цепи; 2) активная творческая жизнь, когда человек обеспечивает себя, а через налоги — молодежь и стариков; 3) старость, требующая внимания и поддержки общества. Очевидно, что вложение любых разумных средств в продление активной фазы даже экономически выгодно.

Что касается образования, то одно дело — предоставлять (продавать) образовательные возможности лишь платежеспособной группе, далеко не всегда мотивированной на учебу и дальнейшую работу. Другое дело — дать воз-

можность учиться способным и мотивированным на активную жизнь. Печально когда ряды потенциальных алкоголиков пополняются за счет не доехавших до образовательных центров «ломоносовых».

Какой для России выход из сложившейся ситуации? Сегодня, российская модернизация является экзогенной, так как обусловлена давлением внешних факторов, а не внутренней потребностью элит / общества / народа в модернизации. Мировой кризис и развертывание мировой войны с Востока поставит страну перед серьезным выбором путей развития. Встанет проблема формирования новой элиты с позитивными, понятными и разделяемыми обществом идеями модернизации (не научно-технической модернизации в русле догоняющего развития, а общества в целом). Пока мы можем обеспечить для существующей мировой рыночной модели сырье и сухопутные транзитные пути. При этом нужно осознавать идейную ущербность и сильную временную ограниченность подобных идей в качестве «ядра», объединяющего этнос.

Примечания:

1. Модернизация России как построение нового государства. Независимый экспертный доклад. М., 2009.
2. См.: Globalization with a Human Face. UNDP Report 1999 // Held D., McGrew A. The Global Transformation Reader. Oxford, 2000. P. 341-347.
3. Статья опубликована в Литературной газете. 2011. 19 окт.
4. Там же.

References:

1. Modernization of Russia as the construction of a new state. The independent expert report. M., 2009.
2. See: Globalization with a Human Face. UNDP Report 1999 // Held D., McGrew A. The Global Transformation Reader. Oxford, 2000. P. 341-347.
3. The article is published in Literaturnaya Gazeta. 2011. October, 19.
4. Ibidem.